

СМЫСЛ: ОТ ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКИ К КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОМУ ПРЕДСТАВЛЕНИЮ

Рассмотрение категории смысла базируется в работе на критическом отношении к трактовкам смысла в рамках чисто логического (в философии) и чисто лингвистического (в языкознании) подходов. В качестве альтернативы предлагается когнитивно-семантический подход решения проблемы, предполагающий обращение к категории смысла в аспекте процессов мышления и понимания. Характеристики смысла выявляются на основе его толкования с одной стороны как ментальной категории, а с другой как продукта коммуникативной деятельности сознания и процессов понимания. Частные характеристики смысла выявляются также в результате сопоставления этой категории с категорией значения.

Ключевые слова: смысл, значение, мышление, осознание, понимание

На истоптанной в науке дороге толкований категории смысла трудно оставить сегодня собственный след, но исследуя семантические процессы в языке и речи, никак нельзя обойти ее стороной, какой бы «ухабистой» она не казалась.

Занимая важное место во многих гуманитарных науках: философии, психологии, социологии, культурологии, языкознании, смысл выполняет сегодня (в общей тенденции взаимодействия научных дисциплин) роль интегрирующего фактора, оставляя за собой шлейф целого сонма теорий и соответственно самых разнообразных характеристик.

Смысл постигается с одной стороны в его противопоставлении вещи (логический и герменевтический подходы), а с другой – в его противопоставлении значению (лингвистические трактовки смысла), с чем, на наш взгляд, во многом связана противоречивость некоторых характеристик смысла.

Так, смысл есть способ представления денотата (в терминологии Г. Фреге значения) и актуализированный элемент значения (Н.Ф. Алефиренко); он объективен, онтологичен, коренится в слове (Г.Г. Шпет), представляет собой объективное свойство вещи (М. Хайдеггер), существует в мире «естественного» и субъективен как принадлежащий к индивидуальному сознанию, как субъективный образ, возникающий при понимании текста (в треугольнике Огдена – Ричардса); с одной стороны утверждается, что смыслом обладают лишь суждения, имеющие истинностное значение (логические концепции смысла), а с другой, что смысл заключен не только в диктуме (пропозиции), но и в модусе, модальной рамке (речедетельностная парадигма, теория речевых актов), смысл и значение есть сущности

одной природы (в феноменологической концепции Э. Гуссерля) и абсолютные противоположности как имеющие интра- и экстралингвистическую природу (Л. Витгенштейн, Н.И. Жинкин); смысл закреплен за словом, представляющим мысленное содержание о предмете (Г. Фреге, Б. Рассел) и есть категория, реализующаяся только в предложении (Л. Витгенштейн).

Развитие науки показало, что установка на чисто логический или чисто лингвистический способ решения проблемы смысла не привела к желаемым результатам. Перенос формального смысла переменных (в геометрии) а и b на смысл выражений естественного языка и устранение ментальных образов из содержания языковых выражений привело к утрате «перцептивных и квазиперцептивных характеристик» [4, с. 68], имеющих столь важное значение в понимании семантики языкового знака. В то же время ограниченность семантических построений языка его системными характеристиками имело следствием вытеснение говорящего субъекта из процесса семиозиса и сведение всех содержательных категорий к отношениям предложений к действительности (в пропозициональной парадигме смысла) и к отношениям между предложениями. Даже выход теории речевых актов в сферу прагматики и выделение трех видов смысла, соответствующих локуции, иллокуции и перлокуции не привели к четкому пониманию природы смысла и его отличия от категории значения.

Переход формальной логики к логике языка требует своего продолжения, а именно перехода к логике познания, к когниции и ее проявлению – пониманию, что обусловлено как самой природой языковых явлений, а именно их

сопряженностью с категориями сознания, так и природой смысла – его отнесенностью как идеальной категории (эффекта в «Логике смысла» Ж. Делеза) к сознанию, как атрибута вещи (смысл есть всегда смысл чего-либо находящегося в реальности бытия) – к миру воспринимаемой / постигаемой реальности и как выраженного в кодифицированных знаках – к процессу семиозиса.

Истоки когнитивного поворота в семасиологической трактовке смысла были заложены, как известно, Р.И. Павилёнисом, предложившим рассматривать проблему смысла не в узком – лингвистическом аспекте, а как логико-гносеологическую проблему. Относя смысл к категории внеязыкового плана, отказывая ему в принадлежности к абсолютной семантике языка, ученый определяет его как часть «индивидуальной концептуальной системы», системы ложной и истинной информации, отражающей познавательный (довербальный и вербальный) опыт индивида [9, с. 240]. В итоге Р.И. Павилёнис отождествляет смысл с концептом, отводя ему статус непрерывного невербального конструкта в пространстве концептуальных систем.

Движение по этому пути уже привело к значительным результатам (см. работы А.А. Залевской, А.А. Пилипенко, Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Болдырева, И.А. Стернина и др.), прояснившим многие стороны этого ускользающего от научного постижения явления, но говорить о завершении поисков решения проблемы отнюдь не приходится.

Последовательная трактовка смысла не возможна, на наш взгляд, с одной стороны без четкого понимания соотношения таких понятий как «язык», «мышление» и «сознание», а с другой без обращения к процедурам понимания.

В нашем понимании категории смысла мы отталкиваемся от последовательно и убедительно изложенной в [6] точки зрения А.Ф. Корниенко на процессы мышления. Признавая «первичность мысли по отношению к ее внешнему высказыванию или языковому оформлению» [Ibid., с. 7], автор отождествляет ее с возникающими в психике говорящего интенциями и совокупностью образов как результатов процесса мышления (мысль и есть результат мышления). Мышление и сознание рассматриваются «как особые формы психического отражения действительности» [Ibid.]. При этом процессы мышления приводят к получению «знания о связях и отношениях между объектами и их свой-

ствами», которые представлены в психике субъекта в форме психических образов. Установление «связи между образами и, соответственно, знаниями, представленными в этих образах, <...>, можно рассматривать как понимание» [Ibid., с. 8], а связи этих образов с образом «Я» в психике человека как результат осознания, где «осознание фактически есть частный случай понимания, в котором одним из взаимосвязанных образов является образ «Я»» [Ibid., с. 9]. Чувственный образ слова соотносится в психике человека с образом обозначаемого словом объекта или явления действительности, включается тем самым в систему смысловых семантических связей, актуализируя имеющиеся связи между психическими образами.

Находясь традиционно в тесной связи с процессами понимания (понимание, как правило, есть понимание смысла чего-либо: события, поступка, сказанных кем-то слов, текста и т. д.), смысл высказывания / текста в логике представленной выше позиции может быть определен как результат установления связей между образами, актуализируемыми в сознании воспринимающего субъекта этим высказыванием и, соответственно, знаниями, стоящими за ними.

Данная трактовка смысла согласуется с поддерживаемой нами ранее в [10], [11] трактовкой смысла в рамках системомыследеятельностной (СМД) методологии, разрабатываемой в частности Г. П. Щедровицким и принятой Тверской герменевтической школой (см. работы Т.И. Богина, Т.Е. Заботиной, Н.Л. Галеевой, А.А. Богатырева, М.В. Обориной и др.). Смысл по Г.П. Щедровицкому понимается в этих работах как «та конфигурация связей и отношений между разными элементами ситуации деятельности и коммуникации, которая создается или восстанавливается человеком, понимающим текст сообщения» [2, с. 45]. Смысл трактуется здесь как структурный коррелят процесса понимания, который на уровне коммуникации формируется взаимосвязью всех относящихся к пониманию ситуации явлений.

Отнесенность смысла к уровню мышления позволяет подчеркнуть его статус идеальной сущности, интеллигибельного, то есть умопостигаемого феномена, рассмотрение его в мыследеятельностном аспекте погружает смысл в сферу «человеческой активности, т. е. в сферу интересов, мотивов, намерений, целей деятельностного субъекта» [7, с. 182]. Важным и в том, и в другом случае является включение смысла в

определенную взаимосвязь явлений: смысл рождается в определенном контексте (в широком понимании) и существует в рамках чего-либо целого – текста, жизненной ситуации, жизнедеятельности. Смысл слова постигается в рамках высказывания, смысл высказывания – в рамках сверхфразового единства, текста и шире – дискурса, выход в который обеспечивается ассоциативным, фоновым знанием, имеющимся у понимающего субъекта. Этот выход является условием понимания в семантически осложненных высказываниях, высказываниях с имплицитной семантикой, таких, как, например, иронические.

На дискурсивную составляющую процесса понимания наряду с когнитивной указывает В.З. Демьянков, определяя первую как «внеположенную рассудку, логике, а потому не связанную со словом прямо», а вторую – как «рассудочную, проясненную <...> в диалоге человека с самим собой или с другим человеком, а потому опосредованную словом» [3, с. 7]. Слова В.З. Демьянкова как бы замыкают в себе представленные выше трактовки смысла, указывая на его ментальность, диалогичность (вспомним предшественника этой идеи М.М. Бахтина) и опосредованность словом.

Кроме выше упомянутых необходимо указать на такие характеристики смысла, как его связь с индивидуальным (пережитым), в том числе и аффективно-эмоциональным опытом субъекта понимания/осмысления. Объясняется это тем, что «индивидуальное сознание несводимо к безличному знанию, что оно в силу принадлежности живому индивиду и включенности в систему его деятельностей всегда страстно», а смысл – личностен и аффективно окрашен [5, с. 35]. Придерживаясь сходной точки зрения А.А. Залевская, ссылаясь на мнение К. Харди, подчеркивает необходимость (о чем нами уже говорилось выше) учитывать при разработке семантической теории «не только осознаваемые и неосознаваемые когнитивные процессы, интуицию и творчество, но и переплетение в мыслительных процессах чувствований, переживаний и абстрактных концептов, а также двустороннее взаимодействие между телом и «душой». <...> знание у человека никогда не может быть абсолютно абстрактным: оно увязано с множеством сенсорно-аффективных и моторных процессов» [4, с. 69]. Именно в этом смысле и следует говорить о психических образах как результатах процессов восприятия и мышления (см. выше).

Указанная особенность смысла соотносится с поддерживаемой нами когнитивно-семантической трактовкой смысла, в которой включенность «Я»-образа в систему взаимосвязей с другими психическими образами предопределяет ценностный характер смысла: смысл не относится к предмету самому по себе, а лишь в его значимости для субъекта, в личностном принятии субъектом его свойств, его назначения. В определенном (значительно упрощенном) понимании в данном случае можно говорить об интенциональности смысла как направленности на объект в модусе желательности, селективности, заинтересованности (см. работы Э. Гуссерля). Наивысшую значимость «Я»-образ в системе устанавливаемых понимающим субъектом связей приобретает во мнениях и оценках, где смысл вещи (для воспринимающего, оценивающего субъекта) есть результат осознания его связи с «Я»-образом. Именно в этом отношении мы говорим в работе об оценочных смыслах, содержащихся в семантике высказываний.

Характеристика категории смысл была бы не завершенной без ее сравнения с категорией значение, преследующей смысл почти во всех лингвистических рассуждениях на эту тему. Позволим себе тезисно изложить наше понимание этого «единства противоположностей».

1. Смысл есть категория сознания, значение – категория языка. Но являясь репрезентантом концептов (психических образований), значения через них также имеют выход в ментальность, что обуславливает связь этих категорий особенно в случаях естественной коммуникации.

2. В речи смысл отдельного слова слит с его актуальным значением: «в естественных ситуациях для носителя языка смысл слова слит с его значением и актуализируется в составе некоторого фрагмента образа мира при взаимодействии знания и переживания отношения к этому знанию» [4, с. 70]. Сегодня в рамках когнитивно-семантических теорий принято также говорить о профилировании, фокусировки, перспективизации, высвечивании (Дж. Лакофф, Ч. Филлмор, Р. Лэнекер).

3. Смысл и значение являются взаимовыводными сущностями: с одной стороны смысл строится в процессе коммуникации на понимании знания значения слов и выражений, а с другой значение формируется в системе языка как совокупность наиболее частотных смысловых

употреблений. В то же время значение и смысл находятся в оппозиционных отношениях.

4. Значение слова всегда связано со знанием, стоящим за ним, смысл – с пониманием этого знания в его взаимосвязи с другими знаниями (Мы говорим: Я не знаю значения этого слова, но Я не понимаю смысла этих слов).

5. Значение слова узнается, вызывается в памяти и существует вне контекста как обобщенное (словарное) значение. Смысл не существует вне некоторого целого – контекста понимания.

6. Лексическое (конвенционально закрепленное) значение есть элемент языковой системы и как таковое оно социально, относительно стабильно и интересубъективно. Смысл, существуя, лишь в коммуникации, в речи динамичен, подвержен значительным изменениям (от субъекта к субъекту) и при наличии интересубъективного начала (что предположено культурно-исторической общностью коммуникантов) содержит уникальные элементы, обусловленные индивидуальным опытом личности.

7. Значение дискретно, разложимо на составляющие его семантические элементы, повторяемо (воспроизводится без изменений в

одинаковом объеме при одинаковых контекстах или их отсутствии). Смысл не разложим на составляющие, одномоментен, уникален как результат производства, а не воспроизводства, и в этом отношении операционален (А.И. Новиков).

8. Значение лексической единицы не исчерпаемо исходя из потенциальной незавершенности процесса познания объектов действительности. Смысл неисчерпаем исходя из потенциальной неисчерпаемости возможных дискурсивных окружений осмысливаемого и своеобразия психики понимающего субъекта.

Подводя итог сказанному, отметим наиболее значимые для нас характеристики смысла, а именно его принадлежность к сознанию и процессам понимания, предопределяющим его дискурсивную погруженность, диалогичность как соотнесенность с другим Я в коммуникации, субъективность как отнесенность к личному когнитивно-аффективному опыту, ценностный характер как следствие интенциональности – осознанной направленности сознания на объект и процессуальность как характеристика порождаемой, а не воспроизводимой сущности.

14.06.2014

Список литературы:

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Ис-во. – 1979. – 724 с.
2. Богин, Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста / Г.И. Богин. – Тверь: ТГУ. – 1993. – 137 с.
3. Демьянков, В.З. Когниция и понимание текста / В.З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – №3. – С. 5–10.
4. Залевская, А.А. Некоторые проблемы теории понимания текста / А.А. Залевская // Вопросы языкознания. – 2002. – №3. – С. 62–73.
5. Зинченко, В.П. Психологические основы педагогики: психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова: учеб. пособие / В.П. Зинченко. – М.: Гардарики. – 2002. – 431 с.
6. Корниенко, А.Ф. Соотношение понятий «язык», «мышление» и «сознание» в психологии и когнитивной лингвистике / А.Ф. Корниенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – №3. – С. 5–15.
7. Кравец, А.С. Деятельностная парадигма смысла / А.С. Кравец // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2003. – №1. – С. 160–188.
8. Никитин, М.В. Основания когнитивной семантики: Уч. пособие / М.В. Никитин. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. Герцена. – 2003. – 277 с.
9. Павилёнис, Р.И. Проблема смысла: (Современный логико-философский анализ языка) / Р.И. Павилёнис. – М.: Мысль. – 1983. – 286 с.
10. Солодилова, И.А. Скрытые смыслы в словесно-образной системе Роберта Музиля (на примере романов «Смятения воспитанника Терлеса» и «Человек без свойств») : дис. ... канд. филол. наук / И.А. Солодилова. – СПб, РГПУ им. А. Герцена. – 2000. – 227 с.
11. Солодилова, И.А. Смысл художественного текста. Словесный образ как актуализатор смысла / И.А. Солодилова. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ. – 2004. – 151 с.
12. Duden Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. – 3. völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zurich: Dudenverlag. – 2001. – S. 959.

Сведения об авторе:

Солодилова Ирина Анатольевна, декан факультета филологии
Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент
460018, г. Оренбург, пр-т Победы 13, ауд. 4111, тел. (3532) 372430,
e-mail: solodilovair@rambler.ru